

УДК 821.161.1-131

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ПЕРЕВОДЕ В. З. ИСАКОВА

Ю. Л. Василевская

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье изучаются два варианта перевода «Слова о полку Игореве», один из которых создан исследователем древнерусской литературы В. З. Исаковым, а второй – поэтом и переводчиком В. А. Жуковским. Каждый из них имел своё представление о «верном» переводе: В. З. Исаков стремился «приблизить» текст к читателю, В. А. Жуковский – переводить дословно, чтобы сохранить «дух» подлинника.

Ключевые слова: *В. З. Исаков, В. А. Жуковский, перевод, древнерусская литература.*

Проблема перевода существует ещё с той поры, как существуют языки. И она всегда решалась по-разному. Одни утверждали, что невозможно средствами одного языка передать смысл высказывания, сделанного на другом языке. Другие доказывали, что при наличии такой проблемы тексты всё-таки переводятся вот уже много веков. В XXI веке проблема перевода по-прежнему остаётся острой по целому ряду причин (усилился процесс глобализации, возобновляются попытки создать систему «искусственного» перевода и др.).

Переводить – значит «понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая *в известном смысле* может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звуко-символическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник» [6, с. 16–17]. Этого «аналогичного» воздействия переводчики стремились достигнуть двумя основными способами: они либо переводили дословно, ничего не меняя, либо же передавали только смысл оригинального текста, используя для этого выразительные возможности языка, на который делался перевод. В первой переводческой стратегии интерпретация сопутствует переводу, но отступает на второй план при работе, например, над «тёмными» местами текста. Во второй она всегда предшествует ему. Хорошие переводчики, прежде чем приступить к работе, тратят много времени на работу со словарями, справочниками и иной литературой, которая поможет им верно понять «тёмные» места, двусмысленные слова, скрытые цитаты и культурные ассоциации. «В этом смысле хороший перевод всегда представляет собой критический вклад в понимание переведённого произведения. Перевод всегда нацелен на некий определённый способ прочтения произведения...» [6, с. 297].

В России в качестве объекта переводческого интереса давно выступает древнерусское «Слово о полку Игореве». Его первый перевод был сделан А. И.

Мусиным-Пушкиным, который опубликовал оригинальный текст в 1800 г., сопроводив его переводом с краткими комментариями. В 1803 г. был издан первый стихотворный перевод «Слова...» И. И. Серякова. В дальнейшем появились переводы Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, М. Д. Деларю, А. Н. Майкова и др. В XX веке появились новые переводы, среди которых обычно выделяют Н. А. Заболоцкого.

«Слово...» оказалось удивительно многогранным произведением, содержание которого позволяло прочесть его и как хвалебную песнь в честь русских воинов, и как трагическое повествование об их походе. Для многих оно было и остаётся своеобразным «слепок» мировоззрения древнерусского человека. Поэтому к «Слову...» продолжают обращаться не только профессиональные переводчики, но и писатели.

Древнерусский текст в общих чертах понятен современному читателю, однако с течением времени в нём появились места, смысл которых неясен даже специалистам, так как исчезли не только многие слова, но и реалии, которые они обозначали. В таком случае любой переводчик стоит перед проблемой: оставить, как есть, или предложить читателю хоть какую-то трактовку. Существует и другая проблема: как переводить (стихами или прозой). Переводческая практика «Слова...» знает и тот, и другой способы.

Исследователь А. Х. Востоков не отрицал возможности определенного стихотворного размера в построении этого произведения, но каким он был, уже невозможно сказать. Поэтому, по его мнению, «Слово...» не может иметь никакого отношения к позднему русскому стихосложению [1, с. 160].

Однако при этом все исследователи сходятся на том, что в «Слове...» есть определённый ритмический строй и в отдельных случаях даже встречается рифма. Но невозможно доказать, возникли они преднамеренно или нет. Поэтому многие переводчики выбирают в качестве самой подходящей формы ритмизированную прозу, но это не отрицает возможности полноценных стихотворных переводов «Слова...».

В 2009 г. свой перевод «Слова» с комментариями выпустил В. З. Исаков. Его труд стал «одной из попыток разгадать некоторые загадки «Слова», чтобы «приблизиться к пониманию истинного смысла этого выдающегося произведения Древней Руси» [5, с. 3]. Во вступительной статье к своему переводу Исаков пишет в том числе и о своей переводческой стратегии. Ссылаясь на авторитет В. А. Жуковского, он указывает на необходимость «буквальной верности» первоисточнику. В качестве формы изложения исследователь выбирает, как и Жуковский, ритмизированную прозу.

Перевод Исакова должен был совместить доступность текста для современного читателя и в то же время верность смыслу оригинала, Жуковский же стремился в первую очередь сохранить текст-первоисточник, даже если это означает затемнение смысла.

С целью приближения древнерусского текста к пониманию современного читателя Исаков заменил многие слова оригинала их современными аналогами. Например, *брежут* на *лают*, *рече* на *сказал*, *червленые* на *красные*, *тулы* на *колчаны*, *галици стады* на *стаи галок* и т. д. С той же целью он заменял некоторые неполногласные формы слов на

полногласные и наоборот (например, *златое* на *золотое*, *шеломом* на *шлемом*).

Такие замены не всегда семантически удачны. Так, слово *червленный* не совсем верно переводить как *красный*, так как *червленный* – это, согласно словарю В. И. Даля, цвет багряный или багровый. Кроме того, Исаков по каким-то причинам пропустил слова, которые как раз требуют перевода-замены. Например, он оставляет в своём тексте слово *насады* (Жуковский его заменил на *суда*) или слово *забрало* в плаче Ярославны (у Жуковского – *стена*).

Отдельного комментария требуют случаи, когда Исаков полностью меняет в переводе целые предложения. Например, он переводит известную строчку «Боянь бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы» [4, с. 23] как «...растекался белкой по древу...» [5, с. 77], указывая в комментариях на то, что древнерусское *мысль* – это диалектное *мысь*, т. е. белка. Во вступительной статье и комментариях исследователь отмечает, что данный отрывок – это, по сути, описание мирового древа Иггдрасиль из «Старшей Эдды». В ней упоминается белка Рататоск, являющаяся своеобразным посредником между «верхом» и «низом», небесами и землёй. В этом контексте перевод данной фразы Исаковым действительно является самым точным. Для сравнения: в вариантах Жуковского и даже Лихачёва это слово переводится как *мысль*.

Однако для современного читателя причина сравнения Бояня с белкой непонятна. Тем более что слово *растекашется* Исаков переносит в свой перевод без изменений, хотя его, следуя заданной стратегии перевода, тоже следовало бы заменить современным аналогом.

Таким образом, Исаков зачастую отходит от переводческой установки, заданной Жуковским и вроде бы им принятой. Даже слова поэта о стихотворном переводе «Слова» исследователь в своей вступительной статье цитирует не полностью. А полностью они звучат так: «В переводах такого рода нужно одно: буквальная верность, ибо мы хотим только понимать с точностью оригинал; все, что его изменяет, не может иметь никакой для нас цены именно потому, что оно уже новое» [2, с. 316]. А Исаков, как мы уже показывали, часто заменяет описание древнерусских реалий современными семантическими аналогами.

Например, переводя отрывок, посвящённый князю Всеславу, он кардинально меняет фразу «клюками подпрься о кони, и скочи къ граду Киеву» [4, с. 36], передав её смысл как «волшебством перескочил к граду Киеву» [5, с. 94]. В комментарии Исаков отмечает, что это место считается в «Слове» одним из непонятных. В данном случае он принимает точку зрения исследователя А. А. Зализняка [3, с. 205], понимая под *клюками* – *хитрости, волшебные чары*, однако отмечает, что в оригинале присутствует игра на двусмысленности этого слова, которую в переводе трудно передать. Жуковский оставляет это место без изменений: «Он, подпершись клюками, сел на коня, // Поскакал ко граду Киеву» [4, с. 136]. Для сравнения в переводе Лихачёва: «Он хитростями опёрся на коней и скакнул к граду Киеву» [4, с. 95].

Смысл сказанного, таким образом, в переводе Исакова более понятен, и, хотя семантическое поле высказывания сузилось, этот перевод в данном случае является самым удачным.

Жуковский хотел передать в своём переводе в первую очередь поэтические достоинства «Слова...». Так, он часто использует инверсию, даже если в оригинале её нет. Его фразы иногда более удачны, за счёт своего малого объёма при большой смысловой нагруженности. Например, автор «Слова...» пишет об Игоре, что он «истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужествомъ» [4, с. 24]. Исаков предлагает вариант: «...который, как лук, натянул свой ум, // Заострил мысли мужеством своего сердца» [5, с. 79]. Его перевод полностью передаёт смысл фразы, однако Жуковский более удачно, на наш взгляд, совмещает поэтические возможности древнерусского языка с истолкованием содержания: «Натянул он ум свой крепостью, // Изострил он мужеством сердце» [4, с. 126].

В другом случае перевод Жуковского, неточный по сути, также становится в художественном отношении более выразительным, чем исаковский. Фразу «Уже бо беды его пасеть птиц подобно...» [4, с. 26] Исаков переводит как «Но уже беду его стерегут птицы по дубам...» [5, с. 81]. Однако Жуковский предлагает менее точный, но более выразительный вариант, отлично сочетающийся с образной системой «Слова...»: «Уже беда его птиц скликает...» [4, с. 127]. Эта строка перекликается с последующими, например, «клётком орлы на кости зверей зовут» [4, с. 127].

Однако следует помнить, что Жуковский не был учёным: в его переводе «Слова» присутствуют ошибки. Так, «щекоть славий успе, говорь галичь убуди» [4, с. 26] он переводит как «Щекот соловьиный заснул, // Галичий говор затих» [4, с. 128], видимо понимая слово *убуди* как синоним *успе*, хотя речь в данном случае идёт о наступлении утра. У Исакова – «Щекот соловьиный умолк, // Говор галочий пробудился» [5, с. 82].

В другом случае Жуковский неоправданно поменял структуру образа. Например, в плаче Ярославны он переводит «Чему, господине, мое веселие по ковылю развезя» [4, с. 38] как «На что ж, как ковыль-траву, ты развезял моё веселие» [4, с. 137]. Вполне ясный образ превратился в довольно сомнительного достоинства уподобление веселья семенам ковыля. Ярославна говорит о своей печали, а образы сева и семени с их витальной семантикой – совсем о другом.

Расхождение в переводе у Жуковского и Исакова встречается и в другом отрывке из плача Ярославны. Фразу «в поле безводнее жажду имь лучи съпряже, тугою имь тулии затче» [4, с. 38] поэт перевёл так: «в безводной степи луки им сжало жаждой // И заточило им тулы печалию» [4, с. 138]. Исаков предлагает иной вариант: «В поле безводном // Жаждою им луки расслабило, // Горем им колчаны заткнуло» [5, с. 97]. То есть смысл слова *съпряже* передаётся то как *сжало*, то как *расслабило*. Исаков не прокомментировал, почему он перевёл эти строки именно так. Возможно, он тем самым изображает более близкую к реальности картину, в которой негодные к стрельбе луки – это именно луки, разошедшиеся и потерявшие упругость (*расслабленные*). Однако в данном случае, как и во многих других,

исследователь отходит от своей переводческой стратегии, заявленной во вступительной статье, – от «буквальной точности».

Совсем неудачной с точки зрения перевода является перевод Жуковским фразы «Того старого Владимира нельзя бе пригвоздити къ горамъ киевскимъ; сего бо ныне стаха стязи Рюриковы, а друзии – Давыдовы, нъ розно ся имъ хоботы пашуть. Копиа поють» [4, с. 37]. Его вариант представляет собой скорее её домысливание: «Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским! // Стяги его стали ныне Рюриковы, // Другие Давыдовы; // Нося на рогах их, волы ныне землю пашут, // И копя славят на Дунае» [4, с. 137]. Появление волов, которые носят стяги на рогах и «копя славят на Дунае», было вызвано, по-видимому, неверным пониманием слова *пашуть*. В комментариях к своему переводу Исаков отмечает, что выражение «хоботы пашуть, копия поють» передаёт движение войска с развевающимися знамёнами. Поэтому его перевод следующий: «Но врозь у них полотнища развеваются и копия поют» [5, с. 95].

Однако сам Исаков отметил, что Жуковский был одним из тех немногих, кто верно перевел следующий отрывок: «Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди песь пояше...» [4, с. 23] (В переводе Жуковского: «Чей сокол долетал – тот первую песнь пел...» [4, с. 125]). Исаков указывает на то, что в данном отрывке речь идёт о древнем обычае соревнования князей в быстроте полёта соколов. Песнь победителю пели не лебеди (а в большинстве переводов именно так), а княжеские певцы. То есть перевод должен быть таким: «Чей сокол стаю настигал, тому князю и песнь пели...» [5, с. 77].

Наконец стоит также отметить композиционные изменения, внесённые Исаковым в текст «Слова...». Два эпизода, повествующие о солнечном затмении и в оригинале разделённые отрывком, начинающимся со слов «О Бояне, соловию старого времени!» [4, с. 24], как указывает исследователь, когда-то были разъединены ошибкой переписчиков. Исаков соединяет их в один, выступая в данном случае не столько как переводчик, сколько как редактор.

Таким образом, перевод Исакова по многим параметрам превосходит другие переводы, давно считающиеся классическими. Используя достижения, накопленные наукой о древнерусской литературе, он предлагает свой вариант перевода «Слова...», точный, но при этом и понятный современному читателю. Однако осовременивание текста не во всех случаях пошло ему на пользу. В этом отношении некоторые интуитивные художественные «находки» Жуковского сделали его перевод «Слова...» стилистически и образно более приближенным к древнерусскому тексту, хотя перевод Жуковского далеко не всегда точен.

Список литературы

1. Востоков, А. Х. Опыт о русском стихосложении [Текст] / А. Х. Востоков. – Казань : Наследие, 2002. – 167 с.
2. Жуковский, В. А. Эстетика и критика [Текст] / В. А. Жуковский. – М. : Искусство, 1985. – 431 с.

3. Зализняк, А. А. «Слово о полку Игореве» : Взгляд лингвиста [Текст] / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 352 с.
4. Слово о полку Игореве : Древнерусский текст. Переводы и переложения. Поэтические вариации [Текст]. – М. : Художественная литература, 1986. – 360 с.
5. Слово о полку Игореве [Текст] ; вступ. статья, перевод и коммен. В. З. Исакова. – Тверь: Научная книга, 2009. – 136 с.
6. Эко, Умберто. Сказать почти то же самое : Опыты о переводе [Текст] / Умберто Эко. – СПб. : Symposium, 2006. – 574 с.

"THE LAY OF IGOR" TRANSLATED V. ISAKOV

Y. L. Vasilevskaya

Tver State University

The Department of the Philological Foundations of Publishing and Literary Works

We study two versions of translation of "The Song of Igor's Campaign", one of which is belong to a researcher of ancient literature V. Isakov, and the second - a poet and translator V. Zhukovsky. Each of them had their own idea of "faithful" translation: V. Isakov sought to "approximate" the text to the reader. A. Zhukovsky - translated literally to keep the "spirit" of the original.

Key words: *Isakov, Zhukovsky, translation, Old Russian Literature.*

Об авторах:

ВАСИЛЕВСКАЯ Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru